

Шевченко Ирина Юрьевна

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА ГЕНДЕРНОГО ВОСПИТАНИЯ

Статья раскрывает ценностный потенциал образов отечественной литературы, востребованный в условиях кризиса института семьи, разрушения традиционной гендерной морали и заимствования Россией гендерных стереотипов западной культуры. Основное внимание автор акцентирует на анализе национальной специфики мужских и женских образов русской литературы, имеющих прочные связи со всей русской культурной традицией, на глубине духовно-нравственных характеристик мужественности и женственности, которые могут рассматриваться как фактор поддержания гендерных норм и гендерного порядка в условиях развивающегося общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 207-215. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М. – Л.: Советский писатель, 1963. 571 с.
15. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6-ти т. / сост. В. Н. Касаткина. М.: Издательский Центр «Классика», 2003. Т. 2. 640 с.
16. Файнова Л. П. Архетипический мотив одержимости в русской поэзии Серебряного века // Ломоносов: материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 675-678.
17. Чудное мгновенье: любовная лирика русских поэтов: в 2-х кн. / сост. Л. Озерова. М.: Худож. лит., 1988. Кн. 1. 447 с.
18. Шарипова Л. П. Архетипический мотив любовной одержимости в русской советской поэзии 60-90-х годов // Современная филология: теория и практика: материалы XIII международной научно-практической конференции (г. Москва, 9 октября 2013 г.) / Науч.-инф. издательск. центр «Институт стратегических исследований». М.: Спецкнига, 2013. С. 162-166.
19. Шарипова Л. П. Феномен одержимости в современной русской культуре // Symbolic and Archetypic in Culture and Social Relations: Materials of the IV International Scientific Conference (March 5-6, 2014). Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. P. 75-80.

ARCHETYPAL MOTIVE OF OBSESSION IN THE RUSSIAN POETRY OF THE XVIII–XIX CENTURIES

Sharipova Lyubava Pavlovna
Kazan (Volga region) Federal University
luxetnox@list.ru

The article is devoted to investigating the archetypal motive of obsession in the Russian poetry of the XVIII-XIX centuries. The basic task of the research is an attempt to identify the place of the motive of obsession in the philosophical and historical context of the mentioned period, to observe its evolution and, relying on the results of literary analysis of the creative work of the representatives of different trends, to study and to classify the means for realization of a motive of obsession in the Russian poetry of the XVIII-XIX centuries.

Key words and phrases: archetypal motive of obsession; mystical obsession; obsession by an idea; obsession by venereal passion; poetry of classicism; poetry of sentimentalism; poetry of romanticism; poetry of realism.

УДК 372.882:37.035.6

Филологические науки

Статья раскрывает ценностный потенциал образов отечественной литературы, востребованный в условиях кризиса института семьи, разрушения традиционной гендерной морали и заимствования Россией гендерных стереотипов западной культуры. Основное внимание автор акцентирует на анализе национальной специфики мужских и женских образов русской литературы, имеющих прочные связи со всей русской культурной традицией, на глубине духовно-нравственных характеристик мужественности и женственности, которые могут рассматриваться как фактор поддержания гендерных норм и гендерного порядка в условиях развивающегося общества.

Ключевые слова и фразы: гендерное воспитание; семейные ценности; традиционная гендерная мораль; национальная идентичность; литература как вид искусства и предмет преподавания; национальные образы мужественности и женственности; народный духовный идеал.

Шевченко Ирина Юрьевна, к. филос. н.
Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт) имени М. И. Платова
i.u.shev@mail.ru

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА ГЕНДЕРНОГО ВОСПИТАНИЯ[©]

В современной России процессы социальной трансформации не только затронули все сферы материальной и духовной жизни, но и изменили систему ценностей и основанных на ней моделей индивидуального и коллективного поведения. Популяризация новых духовно-нравственных ориентиров внедряет в сознание россиян стремление к обогащению и праздному образу жизни, усиливает эгоизм, рационализм, прагматизм, индивидуализм, безразличие к другим членам общества. Эти изменения, представляющие собой импорт чужих культурных наработок, несут с собой не только приобщение к чему-то цивилизованному и передовому (достижения материально-технического прогресса), но и дегуманизацию общественных отношений, активизацию архаических социокультурных форм.

Известный российский культуролог Д. Дондурей указывает на некоторые характеристики культуры современного российского общества, которые вызывают у него серьезную обеспокоенность. В числе «мировоззренческих сбоев», укорененных в сознании подавляющего большинства наших соотечественников, он называет отказ от любых запретов во внутрисемейных отношениях, вплоть до incesta [28]. В современной России нет «здоровой семьи» как социальной ценности: в 2009 г. в нашей стране было совершено 65 тысяч преступлений против детей, 2 тысячи из них были убийствами [Там же]. Как показывает подобная статистика последних лет, преступления против детей становятся все более жестокими, а их последствия – все более тяжкими [5]. Рост количества насильственных преступлений сексуального характера, совершенных в отношении детей, носит устойчивый характер: за 2009–2013 гг. эти показатели выросли в пять раз [Там же]. На начало 2014 г. в России насчитывалось более 100 тысяч сирот, более 40 тысяч россиян в 2013 г. были лишены родительских прав [8].

Наряду с принятием нормативных документов, ужесточением санкций за преступления, разработкой социальных программ, решение проблемы видится в изменении внутренних убеждений людей и господствующих в обществе нравов. «Никакую конституцию не обеспечишь, если нравы населения этому сопротивляются» (А. де Токвиль). Если у каждого россиянина будет ответственность перед своей семьей, то будет изжито мировое лидерство нашей страны по числу детей, брошенных родителями, по числу разводов, абортотворения и рожденных вне брака детей, по статистике бытового насилия, педофилии, убийств и самоубийств детей, наркомании, алкоголизма [2]. Это ставит проблему пропаганды семейных ценностей и здорового образа жизни, публичного акцентирования идеи социального блага, лежащей в основе построения социально ответственного общества. В современной же России семья пропагандируется, прежде всего, как предмет выбора, совокупность практик потребления, инструмент реализации и защиты прав и свобод, а не духовного единения людей, направленного на социальное служение другим – членам своей семьи [6].

Изменение социокультурных оснований институтов семьи и брака в России, происходящее под влиянием модернизации, сопровождается болезненными процессами: падение уровня демографического воспроизводства населения, высокий уровень разводов, проблема усыновления оставленных родителями детей, проблема одиночества и альтернативы традиционной семье («гражданские браки», нетрадиционные пары), поиски россиянами спутника жизни за рубежом. Разрушение традиционной гендерной морали происходит на фоне утраты патриархальных представлений об особенностях, отличительностях мужчин и женщин, национальных маскулинных и фемининных характеристик, представляющих собой глубинные культурные установки «коллективного бессознательного», воплощающих национальные идеалы социальной и духовной упорядоченности общественной и личной жизни. Вместо них насаждаются и множатся образы «женственных мужчин» и «мужеподобных женщин» (например, телевизионные сюжеты об усыновлении на Западе детей однополыми родителями, образ «женщины с бородой», созданный победителем конкурса песни Евровидение в 2014 г.), которые дезориентируют молодежь, не имеющую прочных нравственных идеалов, истинных эталонов нормативного мужского и женского бытия. Эти образы, не обремененные высокими культурными смыслами, апеллируют к эмоциям – «нижнему этажу» человеческого сознания, формируют личность пассивную, упрощенную, с искаженными стереотипами и примитивными интересами.

Не случайно, преподаватели, работающие со студенческой молодежью, отмечают, как мало среди ребят «пассионариев», активных и ответственных в учебе и жизни, способных проявлять смелость, ориентированных на высокое положение в обществе и упорный труд, как средство его достижения [3]. Образ молодого мужчины формируется в современном российском обществе не на основе мифотворческой традиции русской культуры и не находит отклика у женщин. По мнению исследователей, современный мужчина находится в поиске самого себя, утерянных культурно-символических критериев мужественности [12]. Проявлением кризиса гендерной самоидентификации становятся заполненные мужчинами тюрьмы, употребление ими наркотиков, домашнее насилие над женщинами, ставшее нормой.

Основным «хранителем культуры» в трансформирующемся российском обществе является женщина. Именно ее облагораживающее влияние оберегает мужскую часть населения, по крайней мере, в средних социальных стратах, от «рыночного одичания» [1]. В то же время усилиями массовой культуры женственность становится в определенном смысле симулякр, пустой формой, репрезентирующей исключительно красоту сексуальную, соблазнительность, что в традиционном символическом ряду гендерных характеристик приписывалось «злой жене», а в общественном сознании современной эпохи представляется идеалом, который оформляет жизнь реальных женщин. Репрезентация женского в современной культуре обнаруживает себя и в том, что женщины все более стремятся реализовывать мужские социальные сценарии, культивируя в себе маскулинные качества (самостоятельность суждений, умение за себя постоять, финансовая независимость и др.) [16, с. 29, 35]. Борьба женщин за равный статус с мужчинами означает принятие мужественности в качестве всеобщего социального эквивалента. Гендерная асимметрия способствует девальвации деторождения, подрывает фундаментальную основу семьи. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл определенную опасность для традиционно правильной системы приоритетов видит в феминистической идеологии, насаждаемой в России из-за рубежа. По его словам, в центре феминистической идеологии – не семья, не воспитание детей, «а иная функция женщин, которая нередко противопоставляется семейным ценностям» [37].

В связи со сказанным выше, проблема гендера (социального пола), гендерной идентичности, гендерного воспитания выходит за рамки одного научного направления, становясь частью современного социокультурного и философско-образовательного дискурса. Гендер, как продукт культуры, отражает представления народа о женственности и мужественности, зафиксированные в мифологии, фольклоре, традициях, языке,

национальной литературе [10]. Вместе с тем, гендерные стереотипы, ценностная шкала гендерных характеристик, регламентированные социальные роли мужчин и женщин неодинаковы в разных культурах [Там же].

Сегодня проблема идентификации человека по гендерному признаку приобретает обостренный характер, поскольку, во-первых, процесс идентификации по любому признаку в целом является механизмом социализации индивида; во-вторых, национальные гендерные образы являются важным источником формирования коллективной идентичности нации; в-третьих, они играют роль идентификатора «своих» и «чужих», конструирующего символические границы между национальными сообществами [41, с. 19].

В новом личностно-ориентированном образовательном стандарте сформулированы цели и задачи духовно-нравственного развития и воспитания на всех уровнях образования (дошкольном, общем, среднем профессиональном и высшем). Вместе с тем, в настоящее время ощущается острый дефицит теоретических и практических оснований воспитательной работы в образовательных учреждениях, в том числе способов развертывания его в обучении. Наравне с такими средствами гендерного воспитания молодежи, как кино, телевидение, личный пример и высказывания известных членов общества, в частности деятелей культуры, большой воспитательный потенциал имеет литература как вид искусства и предмет преподавания. Мнение о том, что Великую Отечественную войну выиграл советский учитель, небезосновательно. Советский учитель не только нес знания, но и воспитывал в каждом молодом человеке тот мужской образ, который прошел через эпохи русской истории, оставаясь практически неизменным [3]. Это воин, защитник семейного очага и Отечества; его отличает патриотизм, честь, мужественность, доброта, искренность, широта души, устремленность к высокой цели. По мнению уполномоченного при президенте РФ по правам человека П. Астахова, сегодня лучшее гендерное воспитание – это русская литература [4]. «Больше надо читать детям: там все есть – и про любовь, и про отношения полов. И воспитывать должна школа детей целомудренными, в духе понимания семейных ценностей» [Там же], – считает П. Астахов.

Результатом гендерного воспитания можно считать гендерную воспитанность как «интегративное качество личности, в обобщенной форме отражающее систему личностных, социальных представлений и опыта в выполнении гендерных ролей на основе самоуважения и взаимоуважения» [17, с. 8]. Гендерное воспитание, которое своей задачей ставит гармоничное развитие личности, должно быть ориентировано на лучшие духовно-нравственные образцы традиционной культуры, на национальные идеалы мужественности и женственности, материнства и отцовства, которые должны содержать учебники литературы старших классов. При этом следует избегать намеренно однобокого представления патриархальных гендерных стереотипов, подачи на литературном материале материнства с самой невыгодной стороны, и напротив, следует акцентировать значимость таких черт характера, как уступчивость, жертвенность, кротость, необходимых для создания крепкой семьи.

Литература занимает особое положение среди других видов искусств. В литературе вечные образы (константы) воплощают концепты (идеи) национальной ментальности [42]. При этом эти идеи определенным образом сочетаются в книжном коде конкретного автора, поскольку писатель не просто использует концепты, но и подвергает их интерпретации, придавая своему тексту характер тематического описания культуры. Более того, литература обладает способностью формировать идеи и утверждать их в сознании носителя культуры [Там же]. Эта функция литературы проявляется наиболее сильно в русской культуре, которой, согласно устоявшемуся утверждению, присуща литературоцентричность. Роль русской литературы в создании моделей поведения и в воздействии на социальную и культурную реальность анализировал известный отечественный теоретик культуры Ю. М. Лотман. Он отмечал, что данная функция литературы проявляется и в других культурах, но в русской культуре XVIII-XIX вв. «литература есть нечто истинное, чем бытовая эмпирия жизни» [26, с. 110].

В нынешней культурной ситуации литература теряет привычный высокий статус, тогда как «литературность» распространяется вширь, создавая угрозу традиционному литературоведению [39]. Современные школьники и студенты стали мало читать, книгу им заменил Интернет, развивающий клиповое мышление и ориентирующий на восприятие небольших объемов текста [1; 34]. Сегодня «познакомиться с произведением» для молодого человека все чаще означает просто узнать «о чем там говорится». Для этого произведение не нужно читать: получило распространение создание литературных дайджестов, в которых можно найти сокращенное изложение любых классических произведений вплоть до «Войны и мира» и «Братьев Карамазовых». Такая операция обесценивает то, «как говорится», уничтожая важную часть художественного содержания, связанную с нюансами человеческих переживаний, с их «полутонами», неоднозначностью мотивов различных поступков и их последствий, композиционной незавершенностью. Однако это не свидетельствует об утрате литературой способности «творить реальность», показывать идеал человеческого совершенства и указывать путь к этому идеалу. Ведь идеал, как указывал И. Кант, должен быть впереди, вести за собой, идеал всегда выше и больше воплощенных возможностей человека. К тому же умение воспринимать чужой нарратив, мировоззренческий кругозор, способность создавать грамотно выстроенный и аналитически корректный текст, широкая эрудиция – едва ли не самые ценные умения, навыки, знания, которые школа и университет могут дать учащемуся.

Если учебники по истории можно «переписать», исказить даже недавнее прошлое страны в пользу идеологически выгодных трактовок, соответственно кодирующих сознание молодежи, то русская литература всегда отличалась тем, что писала о действительно происходивших исторических событиях и реальных исторических деятелях [29, с. 124]. В повествовании о героических страницах русской истории, в образе «хороброго на ратях» воина, полководца, офицера нет ложного патриотизма. Через всю историю русской литературы воин и защитник земли русской воплощает идеальный мужской образ: «Слово о полку Игореве», «Житие Александра Невского», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о житии и представлении Дмитрия Ивановича Донского», «Песнь во стане русского воинства» (Г. Державин), «Полтава»

(А. Пушкин), «Бородино» (М. Лермонтов), «Война и мир» (Л. Толстой), «Тихий Дон», «Они сражались за Родину» (М. Шолохов), «Живые и мертвые» (К. Симонов), «Молодая гвардия» (А. Фадеев), «Взятие Великошумска» (Л. Леонов), «Баллада о товарище», «Василий Теркин» (А. Твардовский), «Народ бессмертен» (В. Гроссман), «Оборона Семидворья» (А. Платонов), «В списках не значится» (Б. Васильев) и др.

Русский архетипический образ героя, создаваемый народом в течение всей его многовековой истории, воплотился в подвигах русского воина-защитника, освободителя, спасителя. Не единожды накануне страшных бед, грозивших человечеству уничтожением, добровольной кровавой жертвой русского народа были спасены многие европейские страны и их уникальные культуры. А. С. Пушкин писал о важной миссии России, спасшей дважды весь мир: первый раз, остановив на себе татаро-монгольские полчища, а второй – победив Наполеона [Там же]. Доброта, открытость, благородство, христианская совесть, укорененная в русском культурном архетипе, побудили Россию спасти мир от уничтожения и в третий раз, в XX в., заплатив непомерную цену в войне с фашистскими захватчиками. Не только храбрость и мужество отличали русского воина, но и высоконравственные качества – благородство, широта души, открытость, о чем уже свидетельствует «иду на Вы» князя Святослава, предупреждавшего противника о походе на него [Там же]. Знаменитые богатыри – архаические герои русского эпоса, в которых воплотились лучшие черты народного характера [13]. Огромная физическая сила сочетается в них с внутренней силой и тишиной духа, кротостью, жалостью к слабым, желанием не убивать, а только защищать и охранять русскую землю. Пушкин, одну из главных своих заслуг видевший в том, что он «милость к падшим призывал», высоко ценил народную христианскую черту характера – способность проявлять милосердие к абсолютно побежденному. Можно вспомнить описанное в пушкинской «Полтаве» великодушие Петра, проявленное им в отношении захваченных в плен шведов. Тогда как весь исторический путь западной «правды», начиная с античности, всегда находился на кончике стрелы, копья, ружья, и эта правда насилем, коварством, жестокостью, двойными моральными стандартами продолжает прокладывать себе путь в мире. Уже древнегреческая мифология, утверждающая представление об исходной кровожадности человека, создает эстетику зла: герои гомеровских поэм вместе с богами селят в боях смерть и разрушение, но в этом они находят упоение [48]. Одевания героев великолепны, их оружие блестит на солнце, а боги кружат над полями битв, дополняя своим великолепием яростные схватки [Там же]. Не случайно Запад – культура, предложившая такую антропологическую модель, – был источником двух мировых войн и множества конфликтов.

Умение сострадать, сопереживать, отречься от внешнего, заботиться о ближнем, быть гостеприимным репрезентированы и в русском фольклоре, и в русской литературе как вполне «мужские» качества, истинно значительные, не подрывающие мужского габитуса [33, с. 62]. Принципы народного мышления, его нравственно-эстетические устои определили чуткость русского человека к социальным несовершенствам, который в борьбе за всеобщее благо способен на самоотверженный подвиг. «...Герой, выполняющий долг, – пишет советский писатель Л. Леонов, – не боится ничего на свете, кроме забвения. Но ему не страшно и оно, когда подвиг его перерастает размеры долга. Тогда он сам вступает в сердце и разум народа, родит подражанье тысяч, и вместе с ними, как скала, меняет русло исторической реки, становится частицей национального характера» [24]. Великая русская литература от А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова до Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского оставила нам незабываемые портреты «вечных скитальцев», ищущих «невидимого града», искателей русской правды, «думающих» людей. Именно они, свободные от буржуазных условностей и мещанских норм, создали Россию пророческую, почувствовавшую свое предназначение чему-то великому, к особому духовному призванию [9]. Специфика русской национальной мужественности преимущественно выражается через экспрессивные качества, связанные с созерцанием, душевным порывом, муками совести, межличностным общением [41, с. 21]. Западным же мужчинам приписываются инструментальные качества, связанные с действием: деловитость, хозяйственность, дисциплинированность, эмоциональная сдержанность [Там же].

«Монументальный историзм», возникший уже в первых произведениях русской литературы предполагает связь любого частного события, отдельной судьбы человека с судьбой государства, общества, семьи [27]. Это качество прошло через все века развития русской литературы, которой достаточно чуждо восхищение индивидуализмом и близко человеческое стремление ощутить свою связь с другими людьми. Так, авторов «Домостроя» (XV–XVI вв.) интересуют не личные переживания, скорби, пороки, страсти, а только те человеческие проявления, которые явным образом направлены на служение другим людям, начиная с членов его семьи. Именно в духовной общности народа – соборности – многие ученые и философы видят основание российской культурной целостности, генетический код российского социума. Нередко это качество связывают с традициями жизни в крестьянской общине, сохранявшимися даже в светском обществе. Карьера, личный успех, обогащение, благополучие и даже личное счастье – ценности, практически не получившие позитивно значимой оценки в русской классической литературе.

Идейные блуждания в поисках гармонии свободы и послушания, любви и строгости, прощения и наказания неминуемо выводят в многомерное пространство национальных социокультурных координат. Почти все работы о России, о ее культуре начинаются с определения ее места между Востоком и Западом. Немецкий философ В. Шубарт писал: «Проблема Востока и Запада – это, прежде всего, вопрос души <...> Русская душа наиболее склонна к жертвенному состоянию... Она стремится к всеобъемлющей целостности и к живому воплощению мысли о всечеловечестве <...> Россия есть родина души» [46, с. 23, 76]. Философский смысл доминант русского архетипа не постижим вне его связи с духовным центром русской культуры – православием, о чем сказал еще А. С. Пушкин: «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер».

На протяжении веков православие для простого русского человека было понятно, прежде всего, идеями семейности, домовитости, трудолюбия, умеренности в материальных потребностях. С точки зрения средневековой морали супружество для мирянина было предпочтительно и даже обязательно [44]. В XV-XVI вв. русская семья имела традиционный уклад и олицетворяла собой маленькое государство [22, с. 46]. В центре внимания авторов «Домостроя», книги, в которой содержались правила и нормы поведения в семье, – создание крепкой, послушной воле хозяина, зажиточной семьи. «Домострой» был создан как идеал духовно-нравственного, социального и хозяйственного развития семьи, к которому должен был стремиться каждый. В «Домострое» представлена многоцветная картина русской жизни и семейного быта, кодекс норм поведения в отношении мужа и жены, родителей и детей и всех их вместе к Богу и царю [Там же, с. 48]. Согласно «Домострою», любовь родителей к детям проявляется в заботе о нравственном воспитании, приучении к труду, материальном обеспечении [Там же, с. 48-49]. «Домострой» – своего рода план семейных и общественных действий. Так, положение жены, как опоры мужа в доме, определялось ее многочисленными каждодневными обязанностями [Там же, с. 49].

Изначально русская литература возникла с ориентацией на узкий круг людей, имеющих доступ к грамоте, – деятелей церкви и государства [27]. Поэтому на протяжении веков русской литературе были присущи духовность и государственность, а традиции отечественного образования и воспитания были крепко укоренены в толще духовных исканий русских книжников [23; 27]. Владимир Мономах в своем «Поучении» (ок. 1117 г.), киевский митрополит Климент Смолятич (XII в.) воссоздают образ настоящего христианина. Это высоконравственный человек, чуждый властолюбию, сребролюбию, тщеславию, трудолюбивый, любящий родину, готовый пожертвовать собой [3]. Даниил Заточник (XII в.) обрисовывает тип гармоничного человека, сочетающего в себе силу, храбрость, разум, мудрость, милосердного и благотворящего, противостоящего злу [Там же]. «Духовность», свойственная памятникам древнерусской агиографии, раскрывающей духовную красоту светочей русской земли – христианских подвижников, поучений, соотносящих повседневный жизненный уклад личности с христианской моралью как нравственным идеалом, по мере обмирщения русской культуры заменяется «душевностью» [27]. Восприняв традицию русского учительства, национальная художественная литература XIX века становится политической трибуной и храмом. Русский филолог Д. С. Лихачев писал: «Литература на всем ее протяжении сохраняет учительный характер. Литература – трибуна, с которой – не гремит, нет, но все же обращается с моральными вопросами к читателю автор. Моральными и общемировоззренческими» [25]. «Исповедальность», «правдоискательство» и «стыдливость форм», которые отмечал Д. С. Лихачев, рассуждая о русской литературе, первенство этического начала над эстетическим, значительного содержания над манерой, формой, сделали русскую литературу главным источником представлений о национальном самосознании, о русской ментальности, «русской душе» [25; 27].

Центральное положение в русской космологии и ментальности занимает образ женщины [32]. Многие мыслители объявляли женщину фактически олицетворением русскости. Англичанин С. Грэхем, описывая место женщины в жизни нашей страны, заключает: «Россия сильна женщинами» [49]. Аналогичные оценки включаются и в тот образ России, который существует в России [11, с. 251]. В словах русского философа В. В. Розанова: «Какова женщина, такова есть или очень скоро станет вся культура» [Цит. по: 35, с. 374], – заключена высшая оценка духовного значения женщины, ее особого влияния на бытие России. Культ Вечной Женственности, воплощающий у философов русского Серебряного века сакрализацию и романтизацию женственности, становится тем идеалом, вокруг которого формируется дух эпохи, с помощью которого формируется новая картина мира, новый человек, новая религиозность [14]. Известные стихи А. Блока о Прекрасной Даме являются не столько любовной лирикой, сколько рассуждениями о центральном образе религиозной философии того времени – Софии-мудрости – царственном женском существе, олицетворяющем ипостась Божества в «тварном» мире. В мифотворчестве В. Соловьева, «божия женственность» и есть истина. Она и «божественный логос», и «божественное самораскрытие», и «идеальное человечество» [38, с. 542]. Истоки идеальной женственности восходят не только к богословской концепции «святой Софии» (В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков). Они укоренены в древних пластах русской культурной традиции: в почитании «матери-земли» как святыни, а также важном для русской веры почитании Богородицы [9; 45, с. 32]. Особую роль, особую смысловую нагрузку несут эти женские образы в русской культуре в целом и в русской литературе в частности.

В русской национальной архетипике женское начало наиболее полно реализовано в образе матушки-земли [9; 32]. Для русского человека на первом месте всегда стояло не общество, не государство, а земля как таковая. Даже в начальной летописи «Повесть временных лет», прежде всего, говорится о русской земле, а затем уже о племенах, которые ее населяют. Мудрость и оптимизм русских книжников раскрывается в их призывах к собиранию земель, единению как залогом победы в героической борьбе с иноземными захватчиками. Самой значительной женщиной для Ф. М. Достоевского является русская земля: «Разлегшаяся в ста-миллионном составе своем на многих тысячах верст, неслышно и бездыханно в вечном зачатии и в вечном признании бессилия что-нибудь сказать или сделать, скромная и покорная» [45, с. 32]. Ассоциативная связь материнства и земли находит яркое воплощение в русском образе Родины-матери. Так, в годы Великой Отечественной войны такие понятия, как Родина, Русь, Россия, нередко выносились в заглавие художественных произведений, свидетельствуя о подъеме национального самосознания [24].

С образом героя архетип женщины роднит интуитивное начало, мотивирующее ее деятельность в большей степени духовностью, чем разумом, а также способность к самопожертвованию [32]. Архетипический образ девы-воительницы, который выразился в былинных образах «полениц», закрепился в российской ментальности [45, с. 28-31]. Былина «Авдотья Рязаночка» повествует о том, что не мужчина-воин, а женщина-

труженица «выиграла битву» с Ордой. Она встала на защиту своих родных, и благодаря ее мужеству и уму «пошла Рязань из полону» [21, с. 71]. Поэма М. И. Алигер «Зоя» посвящена московской десятикласснице Зое Космодемьянской, добровольцем ушедшей в партизанский отряд и казненной фашистами в селе Петрищево [24]. Раскрывая характер героической защитницы блокадного Ленинграда, О. Берггольц пишет: «Ты русская – дыханьем, кровью, думой. / В тебе соединились не вчера / Мужичье терпенье Аввакума / И царская неистовость Петра» [Там же]. В романе «Мы» Е. Замятина именно женские образы становятся силой, противостоящей произволу Единого Государства, стремящемуся убить человеческое в человеке. Таким образом, сила духовная и физическая очень важная доминанта для мифологизации национальной женственности.

Култ Богоматери, история России, сами судьбы русских женщин определили главные качества женского характера – милосердие и жертвенность. «Матриархальная» форма христианства, реализованная на Руси, высказывается и в практике «тайной милостыни», и в культе «сердца милующего», и в отсутствии злопамятности, и в «жизни по сердцу», а не по правилам, что подразумевает искреннее, сердечное отношение к другому человеку [9]. Широкое и устойчивое распространение среди русских людей традиционно имели взгляды и поступки, связанные с состраданием, сочувствием, оказанием помощи в разнообразных ее видах. Женщина в образе вечной матери становится осевой нравственной фигурой в художественном мире русской литературы, неразрывно связанной с самим бытием, погруженной в стихию духовной жизни народа. Анализ русских духовных стихов позволил Г. П. Федотову сказать, что в восприятии русского народа «на плечах Богородицы держится мир» [40, с. 55]. В 20-е гг. XX в. поэт М. Волошин посвятил великой святыне – Владимирской иконе Богоматери – стихотворение. В древнем византийском образе – скорбном и прекрасном лике Богоматери – поэт распознал не только лик Софии, но и грядущий «лик самой России».

Култ Богоматери определил особое отношение русского народа к материнству, которое воспринимается не как природно-инстинктивное начало, а как священное, «вечно материнское». Женщина обретает ценность в русском космосе и в ипостаси жены-«вечной матери», жены-«помощницы по спасению», жены-«духоводительницы», «отважной жены». Архетипический образ жены, поддерживающей мужа в его борьбе за добро, оказывается связующим звеном между миром земным и миром небесным. В «Слове о полку Игореве» языческие заклинания Ярославной трех стихий спасают ее мужа [21, с. 71]. При этом магическая связь женщины с природой обусловлена ее нравственным потенциалом. «Повесть о Петре и Февронии», созданная на основе муромских устных преданий, прославляет силу и красоту женской любви, способной преодолеть все жизненные невзгоды и одержать победу над смертью [18; 23, с. 226-231]. В скандинавском сказании «Эдда» Брингильда только учит Зигурда целебным рунам, в повести Ермолая-Еразма мудрая Феврония исцеляет героя [7, с. 159]. Красота русской женщины – это не столько сексуальная привлекательность, сколько «красота сострадания». Вслед за народной сказкой о Василисе Премудрой, спасающей земного царевича от гнева морского царя, муромская легенда о Петре и Февронии отразила норму внутренней жизни русских людей: здесь отношения женщины и мужчины нередко походят на отношения матери и сына, кем бы на самом деле она ему не доводилась. Идеал «мудрой жены» выражает одновременно и идеал счастливой семейной жизни, и идеал приоритета мудрости как таковой над другими личностными качествами женщины.

В «Домострое» жена – душа дома: «И чад своих поучает, как и слуг <...> не беспокоится о доме своем ее муж» [44]. В мировоззрении русского народа «дом» – не просто жилище, но и источник внутренней гармонии, от которого зависит тепло домашнего очага, лад с родными и близкими, покой и уверенность в себе [22, с. 45]. «Женский мир» в древнерусской культуре локализуется преимущественно в «домовом» пространстве. Впрочем, христианская вера и социальные реалии вносили свои коррективы в эти схематичные образы. Образ женщины-жены в русской культуре социально активен, он не только дополняет мужчину – он направляет и руководит его действиями [31; 32]. Жизнь княгини Ольги, княгини Евдокии Донской, инокини Евфросинии Полоцкой, русских императриц – пример самоотверженного служения – Богу, Отечеству, народу. Одно из первых произведений отечественной литературы, в названии которого акцентируется внимание на национальной специфике женщины, – «Русские женщины» Н. А. Некрасова, – посвящено женам декабристов, последовавшим за мужьями в ссылку и сумевшим понять и принять их политические убеждения [36].

Женщине-матери, простой русской женщине, проводившей на фронт мужа и сыновей, пережившей горечь невозможной потери, но не потерявшей веры, посвятили строки советские поэты: А. Твардовский («Баллада о товарище»), М. Исаковский («Русской женщине»), К. Симонов («Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...») [24]. Идею материнской любви, одухотворенную народными идеалами, ярко воплотил М. А. Шолохов в образе Василисы Ильиничны Мелеховой («Тихий Дон»). В романе героиня выступает как носительница вечных ценностей: семьи, материнства, дома. Многомерный образ русской женщины-матери, способной откликаться на боль и страдания мира, рисуют писатели-деревенщики (В. Г. Распутин в повестях «Последний срок», «Живи и помни» и др.) [20].

В целом русская художественная литература, которая, по мнению философа А. Ф. Лосева, является «кладом самобытной русской философии», женоцентрична [21, с. 58]. Женские образы становятся нравственно-философским центром произведений Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, Н. С. Лескова, А. М. Горького, М. А. Шолохова, писателей-«деревенщиков», утверждая взгляд на женщину как на олицетворение возвышенной духовности [Там же, с. 44-114]. Образы Татьяны Лариной, Наташи Ростовой, Лизы Калитиной, Софии Мармеладовой, Ольги Ильинской утверждают такие качества русской женщины, как нравственная сила, забота, терпение, сострадание, жалость, жертвенность, асексуальность.

Женский образ в любой культуре антиномичен. В греческой мифологии и истории женщина предстает в разных ипостасях, раскрывающих, как «светлый» лик женственности, так и «темный» [19]. Культура древних греков – культура мужская, для нее характерно восприятие женщины как создания более телесного, более материального, чем мужчина, поэтому более низкого, неспособного к духовной деятельности. Самая первая женщина, Пандора, созданная Афиной и Гефестом, представлена в мифах как существо очень красивое, но лживое, хитрое и принесшее людям на землю соблазны и несчастья [Там же]. В древнерусской книжности встречается образ «злой жены», злоба и глупость которой служит медиаторами злых сил: «Злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтет, ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и осуждает» [30, с. 389]. Но в целом, «темный» лик женственности в русской литературе в значительной мере нивелирован. «Демонические» и отрицательные образы в русском фольклоре и литературе мало численны (киевская колдунья Маринка, Настасья Филипповна из романа Ф. М. Достоевского, Ариадна из романа А. П. Чехова, Катерина Львовна из повести Н. С. Лескова).

Большинство положительных героев в русской классической литературе – женщины, покорно и мудро покоящиеся в первозданности Божьего бытия, в отличие от мужских образов – раздвоенных, колеблющихся, надорванных, не нашедших себя, «лишних» людей [45, с. 22]. С женским началом каждый из русских писателей связывал собственное видение разрешения насущных проблем современности, при этом все они надеялись своих главных героинь способностью сохранять и отстаивать нравственные ценности русской народной жизни. О том, что Ф. М. Достоевский именно в русской женщине видел хранительницу нравственных начал, воплощение идеализма свидетельствуют его многочисленные публицистические выступления: «...замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине все это было выше, чем у мужчины» [15, с. 148]. Исключительно важная роль в генезисе мифа о русской женщине принадлежит А. С. Пушкину, который в образе Татьяны Лариной («русской душой») выразил сущность характера русской женщины, выделив в нем с особенной силой жертвенность, верность долгу и народным традициям. Ф. М. Достоевский, для которого женский вопрос всегда был вопросом национальным, увидел в пушкинском образе «тип положительной и бесспорной красоты». Сам Достоевский выражение сущности русского национального характера доверил именно женскому персонажу (Соня Мармеладова в «Преступлении и наказании»). В своих работах писатель призывал женщин реализовывать свою природную способность пробуждения духовного потенциала мужчины.

В художественном мире Достоевского существуют два полюса: божественная, жертвенная сторона природы человека и низменная, темная, эгоистическая [43]. Вероятно, концепция Достоевского о постоянной борьбе двух начал в душе человека идет от апокрифических дуалистических сказаний об извечной борьбе добра и зла. Обращаясь к древнерусской литературе, Достоевский видит в ней отражение духовной культуры народа, выражение его этических и эстетических идеалов. Веру в конечное торжество царства света, добра и справедливости он связывает с образом Христа [Там же]. Достоевский подробно анализирует все проявления эгоистического чувства в человеке, все его нравственные болезни. Так, его героиня Настасья Филипповна («Идиот») больна «эгоизмом страдания», и эта болезнь оказывается разрушительной и для нее, и для окружающих [Там же].

Если Достоевский сосредоточил внимание на темном подполье человеческой души и одновременно указал идеал, то другой великий писатель XIX столетия Л. Н. Толстой в соответствии с задачей, которую он решал, сделал акцент на изначальном добре, которое живет в душе каждого [Там же]. Толстой был одним из первых среди европейских писателей, кто заинтересовался течением человеческой мысли, ее подчас опасной самодостаточностью. Все, что сказано этими великими писателями, актуально и в современной России, где стихия внешних действий, внешних, регламентирующих жизнь решений, сильна [Там же]. Они же напоминали непреложную, известную, но постоянно забываемую истину – начинать создавать человеческое счастье нужно с человека, с самосовершенствования, с созидания собственной души. В главном русском семейном романе «Анна Каренина» Толстой резюмирует: как бы ни была прекрасна главная героиня, она становится жертвой своей психологической доминанты – зависимости от любви, губительной страсти. Призвание женщины писатель видел в ее милосердном служении семье и народу, идея высшего женского призвания – материнства – нашла выражение в образах Наташи Ростовской, Кити Щербацкой, жизнь которых созидательна и гармонична.

В заключение отметим, что в современном мире изменились не только техническая среда обитания, но и темп жизни, способ общения, требования к личности. В ситуации подмены культуры цивилизационными прагматическими ориентирами может показаться, что современности не соответствует вся система прежних ценностных ориентаций классической гуманистической культуры. Сложившаяся в российской системе образования традиция практически полностью относит изучение литературы к уровню среднего образования [39]. В традиционно литературоцентричной России мы наблюдаем ориентированное на тесты усечение школьных программ. Принципиальный момент внедряемого вместо привычного сочинения тестового принципа заключается в том, что это – не метод проверки способности ученика самостоятельно думать [34]. «Технизм» и формальность образования ведет к утрате гуманитарной составляющей и воспитательного начала, выступающих фактором духовной безопасности в условиях «общества риска». Литература в России всегда была центральной мирозерцательной силой, поэтому и занимала особое место в отечественной культуре. Даже сегодня, в эпоху постмодернизма и кризиса читательской культуры, многие ученые и общественные деятели уверены, что литература должна занимать ключевое положение во всей системе образования в России. В целях развития читательской культуры в современной России и привлечения внимания к русскому литературному наследию следующий, 2015, год объявлен Годом литературы в нашей стране.

Осмысленное обращение к текстам отечественной литературы востребует содержащийся в них идентификационный ресурс. Обретение идентичности – это воссоединение с прошлым, утверждение себя в мире духовности, видение своего будущего в контексте современных проблем [47, с. 19]. Для этого необходима рефлексия к духовным основаниям, понимание исторически устойчивого образа отечественной культуры [Там же]. Национальные образы мужественности и женственности, материнства и отцовства, одухотворенные народными идеалами, запечатленные в русской литературе, можно рассматривать в качестве гендерных идентификаторов. Через всю историю русской литературы проглядывает мужественность, ассоциируемая с силой, патриотизмом и добротой, и женственность, ассоциируемая с материнством, милосердием и жертвенностью. Женщина в образе вечной матери становится осевой нравственной фигурой в художественном мире русской литературы, неразрывно связанной с самим бытием, погруженной в стихию духовной жизни народа. Исконно русские (древнерусские) и советские ценности, которые отличаются некоторой патриархальностью и нетерпимостью к любым альтернативам брака, идеализацией верности супругов, их взаимного уважения и любви, многодетностью как культурной нормой во многом противоположны современному западному идеалу партнерства в семье, утверждающему взаимозаменяемость полов в реализации экономических, воспитательных, хозяйственных, бытовых функций семьи. О потере «гендерной чувствительности» еще Л. Н. Толстой сказал: «Женщина, старающаяся походить на мужчину, так же уродлива, как женоподобный мужчина».

Гендер и нация – это два взаимосвязанных среза жизни общества, а гендерочувствительное общественное сознание выступает фактором его устойчивого развития, его стабильной повседневности, препятствуя росту разрушительных тенденций в духовно-ценностном облике наших современников. Содержание ценностно-нормативного пласта культуры и психо-антропологические характеристики женщин и мужчин «русского типа» можно рассматривать в качестве своеобразного цивилизационного кода, который обеспечивает через механизм идентификации внутреннее самовоспроизводство и самосохранение русской нации и русской культуры. Русские стандарты мужественности и женственности, в том числе мужские и женские образы русской литературы, фиксируют специфически национальное, изначальное и устойчивое представление о соотношении женского и мужского начал в модели отношений «человек – социум». Тем самым они, имеющие прочные связи со всей русской культурной традицией, могут рассматриваться как фактор формирования и поддержания гендерных норм и гендерного порядка.

Список литературы

1. **Андреев А. Л.** Молодежь и культура [Электронный ресурс] // Трибуна русской мысли. 2003. № 2 (6). URL: <http://www.cisdf.org/TRM/TRM6/andreev.html> (дата обращения: 16.12.2012).
2. **Антирекорды, об антирекордах России и США** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldluxrealty.com/node/2800> (дата обращения: 29.06.2014).
3. **Архетип человека и будущее человечества** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/107/1004/> (дата обращения: 31.03.2014).
4. **Астахов П.** Лучшее половое воспитание – это русская литература [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/society/18/09/2013/877708.shtml> (дата обращения: 24.06.2014).
5. **Астахов П.** Преступления против детей становятся все более жестокими [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/28/deti-site.html> (дата обращения: 26.06.2014).
6. **Бражникова Я.** Стерилизация семьи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravaya.ru/look/14869> (дата обращения: 31.03.2011).
7. **Буслаев Ф.** Песни «Древней Эдды» о Зигурде и Муромская легенда // Буслаев Ф. О литературе: Исследования; Статьи / сост., вступ. статья, примеч. Э. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1990. С. 132-163.
8. **В России насчитали более 100 тысяч сирот, 40 тысяч россиян лишены родительских прав** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/17mar2014/siroty.html> (дата обращения: 29.06.2014).
9. **Василенко И. А.** Российская политическая культура: архетипическое и сакральное в горниле модернизации [Электронный ресурс] // Трибуна русской мысли. 2003. № 2 (6). URL: <http://www.cisdf.org/TRM/TRM6/vasilenko6.html> (дата обращения: 16.12.2012).
10. **Войченко В. М.** Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-gendernyh-stererotipov-v-yazyke-i-kulture> (дата обращения: 31.03.2014).
11. **Гачев Г. Д.** Русский Эрос. «Роман» Мысли с Жизнью. М.: Интерпринт, 1994. 297 с.
12. **Гейко Е. В.** Рыцарь или самурай: мужчина в поиске самого себя // Вестник БГПУ. Гуманитарные науки. Барнаул: БГПУ; Концепт, 2007. Вып. 7. С. 65-69.
13. **Голубева Е.** Парадоксы русского эпоса [Электронный ресурс]. URL: http://palomnic.org/bibl_lit/drev/epos/ (дата обращения: 12.08.2012).
14. **Гулюк Л. А.** Мифологема женственности в культуре Серебряного века: дисс. ... к. филос. н. Белгород, 2007. 153 с.
15. **Достоевский Ф. М.** Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15-ти т. СПб.: Наука (Ленинградское отделение), 1994. Т. 12. С. 5-161.
16. **Евсеева Л. В.** Трансформация женской субъектности в европейской культуре: философско-антропологический анализ: автореф. дисс. ... д. филос. н. Ростов н/Д, 2009. 39 с.
17. **Евтушенко И. Н.** Гендерное воспитание детей старшего дошкольного возраста: автореф. дисс. ... к. пед. н. Челябинск, 2008. 24 с.
18. **Ермолай-Еразм.** Повесть о Петре и Февронии Муромских [Электронный ресурс]. URL: <http://old-ru.ru/07-43.html> (дата обращения: 19.08.2012).
19. **Захарова Е. А.** Женские преступления в древнегреческой мифологии [Электронный ресурс] // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. / под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2007. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsborg/mnemon/2007/25.pdf> (дата обращения: 08.08.2012).

20. **Игнатьева А. В.** Эволюция образа русской женщины в творчестве В. Г. Распутина: дисс. ... к. филол. н. Сургут, 2008. 224 с.
21. **Кардапольцева В. Н.** Женские лики России. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. 160 с.
22. **Культура дома:** учебное пособие / под ред. Е. М. Кульбацкого. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2007. 208 с.
23. **Кусков В. В.** История древнерусской литературы: учеб. для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 2008. 336 с.
24. **Лагуновский А.** Общая характеристика литературы периода ВОВ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2009/08/17/2891> (дата обращения: 15.04.2013).
25. **Лихачев Д. С.** Россия [Электронный ресурс] // Литературная газета. 1988. 12 октября. № 41. URL: <http://sadvst.narod.ru/lih.html> (дата обращения: 11.12.2012).
26. **Лотман Ю. М.** Литература в контексте русской культуры // Очерки по русской культуре XVIII – начала XIX века. Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. IV. С. 110-115.
27. **Луков Вл. А.** Загадочная русская душа [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_Vl/ (дата обращения: 21.07.2012).
28. **Манифест Даниила Дондуря:** почему модернизация зависит от культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-nko.ru/biblio/articles/p/701> (дата обращения: 20.12.2012).
29. **Милевская Н. И.** Героические образы древнерусской литературы (на уроках литературного чтения в начальной школе) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. № 10 (112). С. 124-127.
30. **Памятники литературы Древней Руси:** в 12-ти т. / общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1978-1994. Т. 2. XII век. 736 с.
31. **Перунова Н. В.** Введение понятия ценностно-архетипического комплекса на материале русской и германской культур // Вестник ТГУ. 2011. № 352. С. 66-70.
32. **Пивнева Н. С.** Архетипические образы в русской культуре: автореф. дисс. ... к. филос. н. Ростов н/Д, 2003. 22 с.
33. **Пушкарёва Н. Л.** Иванушка-дурачок как зеркало гендерного баланса (еще раз о немужественных мужчинах в русской национальной традиции) // «Мужское» в традиционном и современном обществе: мат-лы науч. конф. (16-18 апреля 2003 г.). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. 79 с.
34. **Ранчин А.** Несвоевременные мысли: о проектах реформ российского образования [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/3/ra21.html> (дата обращения: 18.07.2012).
35. **Распутин В. Г.** Cherchez la femme. Вечный женский вопрос... // Распутин В. Г. В поисках берега: Повесть, очерки, статьи, выступления, эссе. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. С. 372-386.
36. **Рябов О.** Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии [Электронный ресурс]. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/filologich_nauki_4.htm (дата обращения: 07.08.2012).
37. **Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назвал феминизм «опасным явлением»** [Электронный ресурс]. URL: <http://so-l.ru/news/show/7171489?marker=> (дата обращения: 31.03.2014).
38. **Соловьёв В. С.** Собр. соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 824 с.
39. **Сухотина М. П.** О литературе и «литературности» в современном университете // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 5. С. 212-215.
40. **Федотов Г. П.** Стихи духовные. Русская народная вера по народным стихам. М.: Гнозис, 1991. 192 с.
41. **Цалко Е. О.** Гендерный аспект национальной идентичности русских: социологический анализ: автореф. дисс. ... к. соц. н. Нижний Новгород, 2011. 28 с.
42. **Чавдарова Д.** Концепты русской культуры с точки зрения литературоведа [Электронный ресурс] // Инновации в исследованиях русской литературы. URL: <http://refdb.ru/look/1077230-pall.html> (дата обращения: 10.09.2013).
43. **Чернышова Т. А.** Теория эволюции и некоторые аспекты отечественной культуры [Электронный ресурс] // Защитим культуру: мат-лы межд. общ.-науч. конф., посвященной 60-летию Пакта Рериха. 1995. URL: <http://lib.icr.su/node/947> (дата обращения: 08.04.2012).
44. **Чумакова Т. В.** Образ человека в культуре Древней Руси (опыт философско-антропологического анализа) [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... д. филос. н. СПб., 2002. URL: <http://www.countries.ru/library/sophia/obrazch.htm> (дата обращения: 15.04.2013).
45. **Шаповалов В. Ф.** Мужчина и женщина. Любовь, семья и брак. М.: Амрита, 2010. 208 с.
46. **Шубарт В.** Европа и душа Востока. М.: Русская идея. 1997. 448 с.
47. **Шубин Ю. А.** Традиция как ресурс социально-культурной идентичности личности в современном обществе: автореф. дисс. ... к. культурологии. СПб., 2009. 25 с.
48. **Эстетика древней мифологии** [Электронный ресурс] // Философия: конспект лекций. URL: <http://abc.vvsu.ru/Books/filosof/page0006.asp> (дата обращения: 08.08.2012).
49. **Graham S.** Undiscovered Russia. L.: John Lane, 1912. 337 p.

IMAGES OF RUSSIAN LITERATURE AS A VALUE BASIS OF GENDER EDUCATION

Shevchenko Irina Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Platov South-Russian State Polytechnic University
(Novocherkassk Polytechnic Institute)
i.u.shev@mail.ru

The article reveals the value potential of the images of the Russian literature required under the crisis of family institution, destruction of traditional gender morality and adopting by the Russians the gender stereotypes of Western culture. The author pays special attention to the analysis of national specifics of male and female images of the Russian literature closely related to the whole Russian cultural tradition. The paper focuses on the essence of spiritual and moral characteristics of masculinity and femininity which may be considered as a factor for securing gender norms and gender order under conditions of developing society.

Key words and phrases: gender education; family values; traditional gender morals; national identity; literature as a kind of art and a subject of teaching; national images of masculinity and femininity; national spiritual ideal.